

Двенадцать лет пролетели незаметно, оставив Ши Сюй в состоянии глубокой прострации.

Став Системой, она очерствела к течению времени. Зачастую в одном мире ей приходилось проживать сотни, а то и тысячи лет. Для данных Центрального мозга это были лишь сухие строки отчетов, но для той, кто находился в самой гуще событий, это ощущение собственной ничтожности становилось невыносимым.

Ши Сюй погибла в результате несчастного случая, после чего её выбрал Центральный мозг, сделав частью Системы по исправлению плохих концовок. Центральный мозг был благодарен ей за выдающиеся результаты: Ши Сюй стала единственной, кто превратил сто процентов трагических финалов в счастливые.

Поскольку она мастерски разворачивала любые сюжеты в сторону хэппи-энда, а подопечные неизменно ставили ей высший балл, она получила неофициальное звание Системы-миротворца на всю жизнь.

Иногда, если сюжет затягивался, подопечные невольно начинали болтать с Системой.

— 6900, ты откуда? — спрашивали они.

— Из другого мира, — отвечала Ши Сюй.

— 6900, у тебя есть любимый человек?

— Прости, я не помню, — отвечала она.

Среди бесчисленных творцов судеб не так уж много тех, кто мечтает вернуться в свой родной мир. Сильные привязанности неудобны для Центрального мозга, поэтому он дает право выбора: сохранить фрагменты памяти в пространстве или избавиться от них навсегда. Многие выбирали второе — например, Мэн Хэн, которой и так не нравилась её прошлая жизнь. Ши Сюй видела немало таких случаев.

Однажды коллега-система сказала ей, что это своего рода счастье. Ши Сюй же считала, что у каждого свой выбор, но сама она всё ещё жаждала стать прежней собой.

В тот момент, когда загрузка её личного архива памяти завершилась, Ши Сюй внезапно осознала, какой жгучей была её обида в момент смерти. Казалось бы, все проблемы решены, жизнь вошла в правильное русло, и всё должно было...

Но это «должно было» оборвалось на полуслове. Она в ярости противостояла Центральному мозгу, а в итоге приняла роль Системы, решив искупить свою досаду, становясь спасительницей в чужих трагических историях.

Однако время стирает желания. Она постепенно забывала, как выглядел её прежний мир, забывала родителей, друзей, домашних животных... Проведя столько времени в роли Системы, она начала забывать даже собственное лицо, если не смотрела в специальное зеркало.

Она думала: даже если я вернусь в тот миг, я уже не буду прежней. И оказалась права — вернувшись, она действительно стала другой. Воспоминания Ши Сюй смешались с воспоминаниями Мэн Хэн, и после ухода Шэнь Тяньцин голову Ши Сюй словно опалило огнем.

Её человеческие гнев, скорбь и смирение — всё это было в те годы. Удар в спину от Тань Тань, смерть отца, диагноз матери, насмешки друзей о «покровительнице»-сестре... Её ужасная, но совершившая крутой поворот карьера — всё это превратилось в те обрывки воспоминаний, которые она пыталась отыскать в киноплёнке времени.

Шэнь Тяньцин. Разве она не была ребенком?

Шэнь Тяньцин давно перестала быть ребенком. Тао И почувствовала, как после телефонного звонка в машине стало душно. Быть личным ассистентом Шэнь Тяньцин — задача крайне мучительная. Предыдущий помощник при передаче дел предупредил Тао И:

— У босса есть специфические пристрастия, тебе нужно быть очень осторожной.

Тогда Тао И это удивило. Личный ассистент и так погружен в жизнь начальника, включая питание и привычки. Но что это за «специфические пристрастия», о которых люди говорят с таким страхом? Позже, когда Шэнь Тяньцин заставила её покупать билеты в оперный театр Куньцзюй и лететь в город А ради редкого представления, Тао И решила, что это и есть те самые причуды.

В записях предшественника были подробно указаны любимые места Шэнь Тяньцин, вещи, которые нужно брать с собой, и даже способ складывания нижнего белья. Они обе были женщинами, так что это не вызывало неудобств, но Тао И чувствовала: Шэнь Тяньцин другая. От неё веяло холодом, словно она говорила: не подходи ко мне.

Когда Тао И убиралась в её доме, она держалась на расстоянии. Лишь спустя несколько месяцев она узнала полное имя ассистента. Шэнь Тяньцин вообще не принимала людей близко к сердцу. Список тех, кого она содержала, был внушительным, и в конце каждой анкеты стояла пометка: Степень сходства с Ши Сюй — X%.

Ши Сюй. Тао И видела это имя при передаче дел. В интернет-энциклопедии была подробно расписана её короткая и яркая жизнь — имя, которое казалось устаревшим для человека её возраста. Но для Шэнь Тяньцин это была мечта и незаживающий шрам.

Возможно, отстраненность Тао И пришлась Шэнь Тяньцин по душе, поэтому позже она допустила её к своему главному «пристрастию» — спиритическим сеансам. Тао И слышала о медиумах, но считала это ненаучным шарлатанством. Однако для Шэнь Тяньцин это было

обязательным ежегодным ритуалом: огромные траты, закрытое помещение на двадцать минут, запах смеси благовоний, жуткие украшения и фоновая музыка, от которой стыла кровь.

Казалось, она пыталась вызвать кого-то с того света, чтобы хоть на миг утолить свою унижительную тоску. Но назвать Шэнь Тяньцин истово верующей Тао И не могла. Она видела, как та в ярости устроила скандал мастеру, из-за чего свечи опрокинулись, желтая ткань с именем Ши Сюй вспыхнула, и комната мгновенно превратилась в огненную ловушку. Шэнь Тяньцин, выходя из огня, не проронила ни слезинки, лишь судорожно сжимала в руках буддийский амулет.

Тао И работала на неё всего три года, но со второго года после возвращения Шэнь Тяньцин из-за границы они объездили все храмы страны. Даже на золотых вершинах пагод можно было найти то самое имя. Она не знала, нашла ли её хозяйка утешение, но сама Тао И была напугана. Даже семья Шэнь опасалась её.

После того звонка Тао И поняла: сестра босса, Тань Тань, вернулась. Она слышала, что после окончания школы Шэнь Тяньцин уехала учиться за границу и с тех пор почти не виделась с сестрой. Они словно избегали друг друга.

Тао И не могла понять отношение Шэнь Тяньцин к Мэн Хэн. Раньше она думала, что боссу всё это наскучило. Увлечения Шэнь Тяньцин длились от полугода до полутора лет, и она не ограничивалась одним человеком. Если бы не знание того, что Шэнь Тяньцин ненавидит близость, Тао И поверила бы в слухи о её бисексуальности и ночных кутежах.

Хотя всё это было чушью. Шэнь Тяньцин выглядела хрупкой, но на самом деле была сильной и была убежденной лесбиянкой. Содержание мужчин было лишь коммерческим экспериментом или поиском суррогата. Тао И понимала: ни один живой человек не сравнится с той, давно умершей Ши Сюй. Все они были лишь временной заменой.

— Мэн Хэн к тебе заходила? — спросила Шэнь Тяньцин в машине, отправив в семейный чат дежурную отписку и отчитав мать за ночной звонок.

— Да, они были здесь. Когда мы приехали, они совещались с командой студии в малом зале на третьем этаже, — ответила Тао И.

Студия сработала быстро: отчиталась о состоянии Мэн Хэн и подала жалобы на аккаунты, которые пытались нажиться на хайпе.

Шэнь Тяньцин усмехнулась: — Такие же трусливые, как Мэн Хэн. В этом году премии не будет.

— Хорошо, — ответила Тао И.

— Ответ пришел? Отправь мне отчет о причине аварии.

Шэнь Тяньцин открыла соцсети. Имя Мэн Хэн всё ещё висело в топах. Первоначальные посты с соболезнованиями теперь называли слухами, в комментариях лилась грязь.

— Предварительное заключение: техническая неисправность, вызванная тем, что порядок выступлений был изменен в последний момент... — Тао И сидела на заднем сиденье и чувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Чжао... Чжао И? — Шэнь Тяньцин издала смешок. В юности её лицо с детской пухлостью выглядело невинным, но теперь, когда щеки впали, а подбородок стал острым, эта миловидность превратилась в нечто зловещее. — Опять он. Ладно, когда он пакостит другим, но лезть к моим людям...

Тао И решила, что у Шэнь Тяньцин снова приступ актерства.

— С такими мозгами и в индустрию лезет, — тон Шэнь Тяньцин был на удивление довольным. Сегодняшние события не вызвали у неё бури эмоций. — Отменяй рекламные контракты, убирай её из вторых ролей, пусть полгода посидит дома без дела.

— Но Чжао И не артист нашей компании, — робко напомнила Тао И.

— Мне нужно напоминание? — хмыкнула Шэнь Тяньцин.

Она никогда не чувствовала себя неловко. У неё было достаточно связей, чтобы подставить кого угодно. Шэнь Тяньцин не любила Мэн Хэн и не собиралась её защищать, но раз уж та чуть не погибла, можно было устроить шоу. Она сделала ещё один звонок.

Тао И отправила сообщение агенту Мэн Хэн. Она чувствовала, что после этого инцидента срок годности Мэн Хэн как суррогата может продлиться.

— И ещё, купи завтра игрушки для ребенка, желательно посложнее, такие, чтобы заставили помучиться, — добавила Шэнь Тяньцин.

— Для вашего племянника? — уточнила Тао И.

Шэнь Тяньцин кивнула: — У сестры уже второй, купи что-нибудь необычное для трехлетки.

Тань Тань и Шэнь Тяньцин не были совсем чужими, они иногда перекидывались парой фраз по видеосвязи. Семья была сложной: двое старших братьев от первого брака отца, сестра от первого брака матери. И только Шэнь Тяньцин была родной дочерью для обоих. Отец был намного старше, поэтому общего языка они почти не находили.

В детстве Тань Тань часто брала младшую сестру с собой, и тогда их отношения были очень

теплыми. Тао И, не зная причин их разлада, начала искать подарки в интернете.

Шэнь Тяньцин прикрыла глаза, постукивая пальцами по коленям, и тихо напела отрывок из оперы. Её лицо, освещаемое пролетающими мимо уличными фонарями, в полумраке казалось застывшим в вечной скорби.

Она не любила вспоминать детство. Но именно в детстве осталась Ши Сюй, которая никогда ей не принадлежала и которую Тань Тань в шутку называла зятем.

Знаменитая в юности актриса оперы, Ши Сюй была кумиром многих. Но маленькая Шэнь Тяньцин боялась громкой музыки и людей в гриме. Однажды, когда ей было меньше десяти, она с огромным букетом роз подошла к Ши Сюй. Та была наполовину в гриме, и когда, почувствовав тычок цветами, посмотрела вниз, её взгляд показался девочке пугающим.

Шэнь Тяньцин расплакалась, но не забыла протянуть цветы: — Это... это сестра велела передать...

Ши Сюй рассмеялась: — Чей ты ребенок? Ошиблась адресом?

Позже Шэнь Тяньцин упрямо верила: даже если Тань Тань ошиблась, я — нет. Но она не ожидала, что это было предначертано судьбой. Предначертанная ошибка и предначертанное расставание.

Она до сих пор жалела, что была такой нерешительной, когда была ближе всего к ней. И это сожаление терзало её всю жизнь, превращая в тень человека.

<http://bllate.org/book/21030/2138495>